

Коран хранится в комнате молодых на почетном месте. Регистрация брака в ЗАГСе проходит уже после оформления его у муллы. Если к мулле жених и невеста приходят одетыми в нарядный, но строгий светский костюм, то для ЗАГСа и праздничного ужина после его посещения многие татарские девушки стараются приобрести «европейское» белое свадебное платье с открытыми плечами, глубоким декольте, надевают фату или вкалывают цветы в прическу. Свадебное застолье проходит дважды (при возможности) — сначала оно устраивается родителями невесты, потом родителями жениха. Это своего рода отголосок старой традиции. Но в случае финансовых затруднений или причин иного рода могут ограничиться одним вечером, организованным сообща. Застолье проходит в доме родителей или в арендованном помещении (кафе, ресторане). Подарки гости дарят, в основном, деньгами, принимает их не жених, а родители, организовавшие застолье. Сейчас нет разделения на женскую и мужскую половины, но ставятся два ряда столов: для родственников и друзей жениха и невесты. Во время застолья еда сопровождается танцами, причем сохраняется обычай одаривать деньгами лучших танцоров, которые, как и в старину, передают эти деньги музыкантам. Новшеством на свадебном столе является обязательный свадебный торт, остальная же еда, как и вся обстановка застолья ничем не отличается от свадеб советского времени. Обряд далек от устоявшегося канона. В среде крымско-татарской интеллигенции идут поиски в литературных источниках и по аналогиям с современными турецкими обычаями новых еще более зрелищных и ярких обрядов при проведении свадеб. Многие в проведении свадьбы зависят от фантазии и изобретательности, а также религиозности ее устроителей.

Емельяненко Т. Г.

СОВРЕМЕННАЯ СВАДЬБА ТАДЖИКОВ САМАРКАНДА¹

Традиционная свадебная обрядность таджиков Самарканда неоднократно становилась объектом изучения этнографов. Не меньший интерес представляют ее современные формы, в которых нашли отраже-

ние произошедшие за последние десятилетия изменения в менталитете, культурных стереотипах и ценностях населения.

Как и в прошлом, большинство браков устраиваются по выбору родителей или с их одобрения. Широко распространены кузенные браки, несмотря на их запрещение в Узбекистане.

По-прежнему свадьба представляет чрезвычайно массовое по числу участников событие. О.А.Сухарева писала об этом как о пережитке родового строя, характерном уже в 30-х годах для глухих районов Средней Азии (Сухарева 1940: 172), однако этот «пережиток» не только не исчез за последние более чем полвека, но превратился в важный фактор организации социально — экономической жизни. Присутствие на свадьбе 500 — 1000 человек считается нормой. Справлять свадьбу, *фотиха* (помолвку) и другие семейные праздники в ресторане все более становится городской традицией.

Калым за невесту сейчас не дают, но большую роль имеют взаимные подарки сторон, вклад в организацию свадебных торжеств. За неделю до свадьбы у жениха устраивается угощение для стариков и друзей жениха, собирающихся на обряд *камарбанд* — одевание на жениха *чапана* и повязывание ему вышитого пояса *камар* — символ мужщины. Накануне свадьбы — посещение бани. Для жениха это формальная процедура, но у невесты она сохраняет черты старинного обряда *хамонбандон*. В бане *янга* дергает и красит ей брови *усмой*, сбривает волосы на теле, помогает помыться. А обряд *хинабандон* — окрашивание невесте ладоней и ступней хной (узоры были в виде точек, штрихов) давно исчез, хотя старики помнят, что в Самарканде он был именно у таджиков и иранцев, тогда как у местных узбеков отсутствовал.

В день свадьбы в доме жениха — обряд *либоз пушон* — одевание жениха в свадебный костюм, который в современном варианте состоит из костюма европейского покроя, опоясанного поясным платком *бельбог*, золотошвейных халата и тюбетейки. Проходит он в комнате, приготовленной для новобрачных: на стенах *сюзани*², присланные стороной невесты, *тахмон* — стопка постельных принадлежностей (*курпачи*, *курпа*, цилиндрические подушки *люли*, обязательно четное количество), деревянная двуспальная кровать, вместо традиционно разложенных на полу курпачей. За невестой отправляются все собравшиеся в доме жениха, включая его мать, взяв в собой хотя бы *2 лали* — больших подносов с подарками: один с лепешками и сладостями, другой — с одеждой³.

Первыми в дом заходят женщины. Всех прибывших во дворе встречают 5-6 женщин, в том числе мать невесты, предлагая взять с подноса по 2 конфеты в знак пожелания сладкой жизни и смазывая входящим лоб мукой — символ чистоты и благих намерений. В доме невесты и начинается непосредственно свадьба — *никох*, которая представляет собой разновременный по происхождению и различный по природе обрядовый комплекс. Открывает его в самаркандской свадьбе обряд

чимилдык (узб. «занавес»), известный многим народам региона и имеющий древнее происхождение⁴. Он происходит в комнате, где делается *дастархан* для женщин, представляющих сторону жениха. Одновременно в этой комнате устраивается демонстрация одежды невесты, входящей в ее приданое. По стенам, украшенным коврами и *сюзани*⁵, развешиваются штук 30 платьев национального покроя⁶, 1–2 *калтачи* — халатов старинного покроя из материи в сине-голубых тонах, в которых женщины посещают полагается ходить на похороны⁷, а также современные куртки, пальто, кофты, платки и т.п. *Келин* вплоть до беременности должна переодеваться не менее 3–4 раз в день, и важно показать, что в ее гардеробе есть все необходимое. Перед комнатой — *тахмон*, приготовленный ее стороной, который вместе с одеждой будет отправлен в дом мужа.

Чимилдык вешается в переднем левом углу комнаты. В один из его верхних углов завязывают деревянную ложку, в другой — нож и ветку плодового дерева в качестве оберегов и благопожелания. Нижний край поднимается и перекидывается наружу, символизируя благополучный уход девушки из родного дома (в доме ее мужа наоборот внутрь). Обряд начинается угощением женщин, прибывших со стороны жениха. Они рассаживаются по периметру комнаты, около занавеса — наиболее пожилые и одна из них — *бихалфа* открывает застолье чтением молитв. Затем подают *чойширин* — горячую сладкую воду, несколько глотков которой должны сделать все присутствующие. Помимо расставленных на *дастархане* тарелок с фруктами, кусками дыни и арбуза, лепешек и чая, традиционными составляющими данного застолья являются 2 блюда — *угро* и плов. Плов не отличается от обычного (в Самарканде не было особого свадебного плова, как в Бухаре *оши софи*), но *угро* — похлебку, сваренную на мясном бульоне (больше ребрышек и костей) с добавлением гороха, моркови и фрикаделек и заправленную домашней лапшой (кладется отдельно в каждую *косу*) и кислым молоком, самаркандцы называют специфически местным свадебным блюдом, характерным именно для женского застолья (хотя сейчас его стали давать и мужчинам). Его подают сначала самым пожилым, а потом остальным. После окончания застолья⁸ *дастархан* убирают (складывая справа налево) и под ритуальные песни *бихалфа* вводят сначала невесту⁹, затем жениха, которые встают под занавесом на расстеленную ее матью *курпачу* (*малафа курок*). Затем *бихалфа* обводит над ними и по направлению закрутки занавес двумя зажженными свечами, вставленными в кружку («чтобы всю жизнь вместе гореть») и подносит им складное зеркало, в которое они должны посмотреться одновременно и скрытно от окружающих. Задав молодым вопрос «он или нет?» и получив утвердительный ответ, она тут же его закрывает, и молодым подносят пиалу с медом, из которой жених 2 раза мажет губы себе и один — невесте (потом из нее мажут губы себе остальные) и надевает ей на правую руку часы. Зеркало, кружку, пи-

лу, ложку и нож, завязанные в углах занавеса каждая женщина хранит как залог своего семейного счастья. После чего перед ними расстилают *дастархан куро́к* с лепешками, конфетами, яйцами, жареными пирожками *самбуса*, который почти сразу сворачивают, а жених, сделав 7 шагов вперед, дает свой *чапан* одеть тому, чья свадьба будет следующей, и затем он вместе с *дастархан куро́к* и *чимилдык* будет отправлен вслед за молодыми — сначала в ресторан, а затем им домой *Курпача куро́к* кладут на сиденье машины, в которой следуют молодые.

Выход молодых из дома сопровождается комплексом обрядовых действий, сложившимся в настоящее время, но состоящего из традиционных элементов. Прежде всего, мать невесты расстилает перед ними *пойяндоз* — полотнище белой бумажной ткани или сшитое из лоскутков разных материй («чтобы было всего много»), оставшихся от шитья свадебных платьев, который затем в шуточной борьбе должны разорвать друзья жениха, забрав кусочки в знак того, чтобы и у них была такая свадьба¹⁰. Во дворе молодые задерживаются и невеста, прикрывая лицо перекинутым через руку золотошвейным платком *даструмолча*, кланяется (делает *тазим*) собравшимся (обряд *келин салом*), а родители и ближайшие родственники молодых преподносят ей подарки: ее родные — золотые украшения, его — посуду и бытовые предметы. В этой церемонии совместились два старинных обрядов: *рубинон* — смотрение лица новобрачной родственниками жениха и *талбон* — первое посещение новобрачной своих родителей после замужества. Традиционно *талбон* должен был проводиться спустя некоторое время после свадьбы¹¹. Жених в этот день шел на базар, покупал *каймок* — сливки, лепешки, и с подарками новобрачные отправлялись в гости, где устраивалось большое застолье, и ее родственники делали ей подарки. *Рубинон* же делался на следующий день после свадьбы и также сопровождался праздничным угощением. Но в настоящее время, когда обряды вынуждены совмещать, возникают разные «сочетания». *Рубинон*, например, могут устраивать и сразу после того, как молодые вернутся домой из ресторана: девушка переодевается в национальную одежду (до этого она в платье и фате европейского типа) и с *даструмолча* в руке приветствует новых родных, принимает от них подарки¹².

В традиционной свадьбе застольем в доме невесты и отъездом молодых завершалась основная часть свадебных ритуалов. В настоящее время важное место занимают посещение ЗАГСа и многолюдное застолье в ресторане¹³.

Последнее в целом типично для подобных мероприятий, однако некоторые специфические черты все же следует отметить. Прежде всего, их можно найти в меню, составленном из блюд европейской кухни и традиционных, которых по обычаю должно быть три. Они подаются в следующей последовательности: *гуджа* — суп из размельченного и разваренного овса с фрикадельками, заправленный *чекой* (густой

сметаной), *кабоб* — жаркое из мяса с овощами и плов или *машпечери* — густая каша из маша с добавлением риса¹⁴. В последнее время стали делать и четвертое блюдо — *барак* (узб. *чучвара*) — очень крупные пельмени, которые сначала парят в *манты казане*, а потом жарят в обычном казане. Кроме того, обязательно на столе должны присутствовать пирожки *самбуса* (узб. *самса*), мясное ассорти, фрукты, выпечка, лепешки самаркандского типа. Также в ход застолья может быть включено проведение ритуала *салля бандон*, несмотря на то, что он является элементом обряда *суннат* — обрезания, когда мать мальчика дарит комплекты одежды *сарупо* своей матери, свекрови, янге, а ей повязывается старинный чалмообразный головной убор. Но если *салля бандон* сделали в свое время, то присоединение его к свадьбе родственников рассматривается как хороший знак для новой семьи. Также относится к появлению на свадьбе недавно вышедших замуж женщин, *металба* («первые выходящие»), которые приходят с подарками — подносами с мясом, лепешками, рисом и на которые в ответ им положат ткани, конфеты.

Из ресторана молодые на разных машинах и в сопровождении друзей и родных юноши направляются домой. По дороге устраивается *гульхон* — факельное шествие, и весь путь отмечен весельем и пением традиционных свадебных песен (с припевом «ер, ер»). Около дома жених на руках выносит невесту из машины, а затем, отдав символический выкуп ее брату, обносит вокруг костра¹⁵.

Чимилдык должен быть повешен там к приходу молодых¹⁶. Этим занимаются родственники новобрачной. Они развешивают приданое и остаются ночевать, причем спят с новобрачной в одной комнате. Муж проводит ночь в своей прежней комнате, и лишь после мусульманского бракосочетания, которое мулла совершает на следующий день, их брак вступает в законную силу.

Таким образом, современная самаркандская свадьба представляет собой сложный обрядовый комплекс, в котором традиционные элементы, несмотря на их упрощенную и видоизмененную форму, по-прежнему имеют первостепенное значение. Более того, тенденция к насыщению свадьбы старинными обрядами и приданию свадебным торжествам особого размаха демонстрирует ту роль, которая отводится им как средству выражения этнолокального культурного своеобразия, и показывает, насколько данное явление актуально в настоящее время, ставшее, очевидно, ответной реакцией на процессы нивелирования этнических культур, имевших место в советское время.

***

¹ Статья написана по полевым материалам автора, собранным в Самарканде в августе 2007 г.

² Термином «сюзани» в Самарканде обозначают вышивки с различной композицией узора, а также покрывала без вышивки, но изготовленные из дорогих

и ярких тканей. Подобное применение термина, означающего «вышитое иглой», к не вышитым, но декоративным изделиям, отмечено нами также в Бухаре.

³ У узбеков таких подносов должно быть 9 штук.

⁴ О применении свадебного занавеса в свадебной обрядности и его символическом значении: *Бонч-Осмаловский* 1926:101–110; *Фиельструп* 1926: 111–122; *Лобачева* 1985: 119, 122; *Кисляков* 1959: 109, 182. Примечательно, что у самаркандских таджиков свадебный занавес обозначается узбекским термином, тогда как у горных таджиков он именуется иранским словом *чодир, чодар* (*Мардонова* 1986: 34).

⁵ Наиболее старинные вышивки вешаются на переднюю, находящуюся напротив входа стену.

⁶ Из них лишь 3–5 платьев могут быть из *ханатласа* — национальной ткани, которые считаются домашними, остальные — из импортных синтетических материй.

⁷ Несмотря на то, что уже в к. XIX–н. XX в. *калтача* (*мунисак*) бытовала преимущественно в качестве траурной одежды горожанок (*Сухарева* 1982: 34–44), ее значение не изменилось до настоящего времени.

⁸ Все, что остается после застолья, отдают бедным или в дом престарелых — это *садака*.

⁹ По улице ее ведут под *болинпуш* — вышивкой, которую держат над ней ее подруги

¹⁰ В настоящее время *пойяндоз* часто заменяется ковровой дорожкой, поэтому самый главный смысловой элемент обряда — его разрывание оказался утраченным.

¹¹ Современные информаторы говорят о разных сроках, что отражает хронологически разные этапы существования обряда, но он мог проводиться до рождения ребенка.

¹² У узбеков Самарканда, а также в Бухаре и Ташкенте, новобрачная делает это с накинутым на голову шарфом *нишал*.

¹³ Новобрачные предварительно совершают поездку по городу, причем посещают не мусульманские святыни, как это было в прошлом, а современные памятники.

¹⁴ Раньше *машпечир* подавалось только мужчинам, как *угро* — женщинам, теперь же этому не придают значения.

¹⁵ Как говорят, сейчас ленятся нести на руках, и чаще молодые вдвоем обходят вокруг костра.

¹⁶ Снимают *чималдык* через несколько дней пожилые многодетные женщины, они же убирают постель новобрачных. *Чималдык* распарывают, из белой ткани делают подушки, из нарядной части — курпачи, курпа, штаны.

Библиография

Бонч-Осмаловский А. Свадебные жилища турецких народностей // Материалы по этнографии. Л., 1926. Т. III. Вып. 1.

Кисляков Н. А. Семья и брак у таджиков. М.-Л., 1959.

Лобачева Н. П. Хивинская свадьба // Этнография в Таджикистане. Душанбе, 1985.

Мардонова А. Обряд «чодарканон» у таджиков Гиссара // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений. Апрель 1985 г. Л., 1986.

Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX–начало XX в.). М., 1982.

Сухарева О.А. Свадебные обряды таджиков г. Самарканда и некоторых других районов Средней Азии // СЭ, 1940. № 3.

Фиельструп Ф.А. Свадебные жилища турецких народностей // Материалы по этнографии. Л., 1926. Т.Ш. Вып. 1.

Дзллева Д.

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ *ФАРН ФÆЦÆУЫ* В ОСЕТИНСКОЙ СВАДЬБЕ

Понятие *Фарн* входит в число ключевых категорий осетинской народной традиции. С ним связано множество осетинских пословиц и поговорок, например: «*Фарн уæ куыстæй!*» (пер.: «*Пусть ваш труд несет благополучие!*»), или «*Фыды Фарн мардтам не цæуы*» (пер.: «*Фарн отцов не уходит в царство мертвых*»). *Фарн* также упоминается в традиционном благопожелании, произносимом гостем на пороге дома: «*Фарн ам уæд*» (пер.: «*Да пребудет в этом доме Фарн*»). Ему отвечает хозяин дома: «*Фарнай дзаг у*» (пер.: «*Да будешь ты богат Фарном*»).

Фарн одновременно выступает как абстрактная сакральная идея блага и как конкретный материальный символ, божественный персонаж. В сказании «Созырыхъо и Агунда» (Нарты 2003: 216) *Фарн* помогает герою Сослану в бою с соперником Мукарой. Вот что по этому поводу пишет исследователь С. Джанайты: «Одним из основных представлений, составляющих мировоззрение Нартов, могло быть понятие о некоем подобии космического разума или информационного поля, создаваемого мудрыми предками из бессмертных лучших творений человеческой мысли. Именно подобные составляющие разумной субстанции „фарн“-а следует, в первую очередь, понимать в частном осетинском пожелании „*Фыдæлты фарн ма фæсæфæт*” (Пусть не исчезнет Фарн предков)» (Джанайты 2007).

Этимологию слова *фарн* и его образно-мифологическое значение объясняет академик В. И. Абаев: «*Фарн* — общеиранское полурелигиозное понятие, точное значение которого трудно определить; будучи дериватом „неба-солнца”, оно обозначало все то благое, источником чего древние мыслили небо-солнце: „небесная благодать”, „благополу-

DOI 10.31250/2618-8619-2022-2(16)-154-165
УДК 39(222.8)

Татьяна Григорьевна Емельяненко

Российский этнографический музей
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-0095-6099
E-mail: rem.tatyana@mail.ru

Обряд почитания Биби Сешанбе у таджиков Самарканда (по полевым материалам 2010–2022 гг.)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена описанию и рассмотрению особенностей проведения в Самарканде старинного женского обряда почитания Биби Сешанбе («Госпожи Вторник») — святой покровительницы женщин, известного также многим оседлым народам Средней Азии. Несмотря на исламизацию обряда, в нем сохранились многие ритуалы, связанные с доисламскими представлениями, и у таджиков Самарканда они особенно многочисленны. В современном варианте местного обряда большинство находит параллели в свадебной обрядности, а не только в похоронно-поминальной, соответствующей почитанию памяти Биби Сешанбе. Это проявилось в ассортименте ритуальных блюд, продуктов, предметов, в присутствии на обряде *келин* новобрачных и многочисленных участниц в праздничных нарядах. В Самарканде проведение обряда — праздничное мероприятие, а не скорбное, каким оно должно было быть по своему смыслу. Статья написана на основе материалов, собранных автором главным образом в 2010 г. во время экспедиции в Узбекистан. Дополнительные сведения, важные для понимания локальных особенностей обряда и его современного развития, получены в ходе поездок в Узбекистан в последующие годы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: обряды, ритуалы, пища, таджики, Самарканд, Биби Сешанбе

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Емельяненко Т. Г. Обряд почитания Биби Сешанбе у таджиков Самарканда (по полевым материалам 2010–2022 гг.). *Кунсткамера*. 2022. 2(16): 154–165. doi 10.31250/2618-8619-2022-2(16)-154-165

Tatyana Emelyanenko

The Russian Museum of Ethnography
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-0095-6099
E-mail: rem.tatyana@mail.ru

Rite in Honor of Bibi Seshanbe Among the Tajiks of Samarkand (Based on the Field Materials of 2010–2022)

ABSTRACT. The article is devoted to the description and consideration of the features of the ancient women's rite in honor of Bibi Seshanbe ("Lady Tuesday") in Samarkand, the patroness saint of women, also known to many settled peoples of Central Asia and having pre-Islamic origin. Despite the Islamization of the rite, many rituals associated with pre-Islamic ideas have been preserved in it, and among the Tajiks of Samarkand they are especially numerous, and in the modern version of the local rite, the majority finds parallels in wedding rituals, and not only in the funeral and memorial rituals, corresponding to honoring the memory of Bibi Seshanbe. This was manifested in the assortment of ritual dishes, products, objects, in the presence of *kelins* — newlyweds at the ceremony, in the festive clothes of women present at the ceremony, and their large number. In Samarkand, the ceremony is a festive event and not a mournful one, as it should have been by its nature. The article is written on the basis of the materials collected by the author mainly in 2010 during an expedition to Uzbekistan; additional information important for understanding the local features of the rite and its modern development was obtained during trips to Uzbekistan in subsequent years.

KEYWORDS: rites, rituals, food, Tajiks, Samarkand, Bibi Seshanbe

FOR CITATION: Emelyanenko T. Rite in Honor of Bibi Seshanbe Among the Tajiks of Samarkand (Based on the Field Materials of 2010–2022). *Kunstkamera*. 2022. 2(16): 154–165. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2022-2(16)-154-165

В Средней Азии обряд почитания Биби Сешанбе (Сешамбе) — «Госпожи Вторник» — принадлежит к числу архаических, органично вошедших в исламскую обрядовую культуру и до настоящего времени распространенных среди таджиков и узбеков центральных районов региона. Впервые ритуалы обряда были описаны М. С. Андреевым по полевым материалам, собранным в Ура-тюбе, Исфаре, Ходженте в 1915–1925 гг. В материалах ученого приведена легенда о Биби Сешанбе, которую он сопоставляет с аналогичными образами из мифологии европейских народов, в частности из известной сказки о Золушке и доброй фее. Такой феей в среднеазиатском варианте и предстает Биби Сешанбе (Андреев 1927). В исламскую народную мифологию Биби Сешанбе вошла как покровительница пряж и ткачих наряду со многими другими покровителями (*пирами*) разных ремесел, а также считается покровительницей и защитницей женщин, особенно оказавшихся в трудных жизненных обстоятельствах. Исламизация обряда выражалась и в том, что руководившая его проведением женщина (*бихальфа, отин, отаной, биби отун, отынчи, ойи мулло* и другие региональные названия), помимо пересказа легенды о Биби Сешанбе, произносила формулу веры *басмала* («во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного!») в начале и в конце всего мероприятия, мусульманские молитвы, зачитывала тексты из Корана. Благодаря этому весь обрядовый комплекс почитания Биби Сешанбе воспринимался в народе как исключительно исламский, несмотря на то что большинство составляющих его ритуалов имели доисламское происхождение. Исследование их природы и происхождения в аспекте культурного синтеза обычно занимало если не основное, то значительное место в работах, посвященных культу святых в исламе, затрагивающих, в частности, и культ Биби Сешанбе (см., например: Андреев 1927; Сухарева 1960: 40–41; Муродов 1986: 199; Фатхи 2005; Рахимов 2007: 140–148; Аширов 2008; Соколова 2015; Чвырь 2018: 24–45). Однако полному описанию обряда и его ритуалов, их локальным вариантам, в том числе этнолокальным, уделено пока недостаточное внимание.

Имеющиеся в литературе данные в большинстве своем относятся к разным районам Ферганской долины, тогда как сведения о том, как проходил обряд в Бухаре, Самарканде или в других местах Узбекистана, какие изменения он претерпевал на протяжении последнего столетия, отсутствуют. В Бухаре, например, культ и обряд почитания Биби Сешанбе считают «своим», и мои бухарские информанты были удивлены, что обряд проводят где-то еще и совсем по-другому (ПМА 2012, Бухара). Здесь святую связывают с именем Бахауддина Накшбанди (1318–1389) — основателя одного из суфийских орденов, могила которого расположена в одноименном мемориальном комплексе в окрестностях Бухары. При проведении реставрационных работ в 2003–2008 гг. около могилы матери Бахауддина Накшбанди Биби Саиды Арифы были обнаружены несколько захоронений, два из которых народная молва приписывает Биби Сешанбе и Биби Мушкулкушод — другой святой покровительнице женщин и тети Накшбанди (Мавзолей Бибы Арифы 2012). Бухарцы искренне верят, что эти святые жили и творили чудеса именно на их земле.

Процесс эволюции обряда восстановить уже невозможно, он довольно редко становился предметом специального исследования этнографов, однако подробное описание локальных форм его современного проведения актуально. И не только как фиксация одного из компонентов культурного наследия, но и как, по всей вероятности, уходящего или кардинально видоизменяющегося явления традиционной культуры. После обретения независимости и особенно в последние годы в Узбекистане значительно возросло влияние религиозного фактора на повседневную культуру, и синтез исламских и доисламских элементов, сложившийся в традиционном среднеазиатском исламе, в его народном или бытовом варианте (подробно см.: Чвырь 2018) стал разрушаться (Емельяненко 2019; 2021). Так, раньше мусульманское духовенство, несмотря на то что не признавало обряд почитания Биби Сешанбе исламским (Каримова 2012; Соколова 2015: 169), не оказывало влияния на порядок его проведения. В каждой местности были свои особенности, которые поддерживались и сохранялись руководившими обрядом местными женщинами, получавшими знание о его ритуалах «по наследству» — от матери или от родственницы (Горшунова 2001: 136). Теперь все они должны не только пройти специальный курс обучения, получить лицензию

(иначе большой штраф), но и проводить обряд Биби Сешанбе по единому, одобренному мусульманскими властями сценарию, что, безусловно, отразится на его уникальной локальной вариативности. В Сурхандарьинской области, например, по сообщению информантов, обряд почитания Биби Сешанбе в настоящее время уже официально называют «Эхсон» (пожертвование, благодеяние), мотивируя тем, что «так в Коране, и это как один из столпов веры в исламе», архаические ритуалы из него почти все убраны (ПМА 2019, Байсун). Одновременно мусульманское духовенство настоятельно рекомендует вообще не проводить старинные обряды, называя их суеверием, предрассудком, признаком отсталости. Это постепенно находит отклик у населения: в Бухаре, например, женские обряды почти совсем исчезли, включая обряд почитания Биби Сешанбе (ПМА 2022, Бухара), крайне редко он проводится в Коканде, причем только лицензированными *отин* (ПМА 2019, Коканд).

Статья посвящена описанию обряда почитания Биби Сешанбе в Самарканде, участницей которого мне довелось стать в 2010 г. В последующие годы во время поездок в Узбекистан были собраны дополнительные сведения о проведении обряда в Бухаре, Фергане, Коканде, Байсуне, в Кашкадарьинской области (кишлак Гилан), важные для его локальных характеристик и понимания современного состояния.

В Самарканде *марака* (мероприятие, собрание) Биби Сешанбе, как его здесь называют, был организован женщиной, приурочившей его к своему шестидесятилетию, и проводился в ее большом двухэтажном доме, как и полагается, во вторник — в день почитания этой святой. Но поводы проведения обряда разные: болезни и трудности у себя или у членов семьи, либо чтобы избежать их в дальнейшем, могут также приурочить к мавлиду — собраниям по поводу дня рождения Пророка, к сороковому дню поминального цикла, частым современным поводом стало пожелание удачи уехавшим на заработки близким и тревога за них. В Самарканде обряд проводят также на второй день после свадьбы (если свадебный *туй*, например, в воскресенье, то обряд почитания Биби Сешанбе — во вторник) с целью пожелания благополучия новой семье, но в сокращенном виде: *бихальфа* зачитывает лишь несколько отрывков из сказания о Биби Сешанбе, а кроме обязательных ритуальных блюд и продуктов перед *бихальфой* расставляют подносы с различными сладостями, которые раздают присутствующим (ПМА 2022, Самарканд).

Обычно обряд Биби Сешанбе довольно камерное и печальное мероприятие, так как его основное сакральное значение — поминовение святой. Обязательно присутствие семи вдов (если столько не собирали, то заменяли недостающих бедными женщинами или сиротами [Андреев 1927: 4]) и еще нескольких пожилых женщин. В Бухаре обряд, называемый здесь Оши бибиён, вообще считается «вдовьим», так как в прошлом в нем могли участвовать только вдовы, хотя позднее стали принимать участие и другие женщины (ПМА 2010, Бухара). Однако в Самарканде на описываемом обряде присутствовало более 50 женщин от 40–45 лет и старше¹. Одно из главных правил обряда — отсутствие на нем мужчин (включая мальчиков) и даже животных мужского пола, о чем упоминается в сказаниях о Биби Сешанбе и что соблюдается обычно на практике (Андреев 1927: 5). В Самарканде также следуют этому правилу, однако на обряде присутствовало несколько мальчиков — внуков участниц обряда. Как объяснили, им недавно сделали обрезание и полагалось водить их по разным торжествам, представляя в новом социальном статусе, как и новобрачных, о чем будет сказано ниже. Тем не менее присутствие их на обряде в честь Биби Сешанбе, несмотря на то что они могли находиться лишь во дворе, а не в комнатах, где проходили основные обрядовые действия, являлось не только самаркандской особенностью, но и вносило изменение в семантическое содержание местной традиции его проведения. Кроме того, на обряде присутствовал и один мужчина — оператор, который фиксировал все происходящее на видеокамеру, как принято в настоящее время снимать все семейные торжества, что придавало обряду значение больше праздничного мероприятия, чем скорбно-поминального, каким оно было изначально.

¹ В обряде могут участвовать только женщины, вышедшие из фертильного возраста.

Праздничность мероприятия проявилась и в других особенностях проведения самаркандского варианта обряда. Так, все женщины были одеты очень нарядно: в платья традиционного покроя, но из ярких и пестрых по расцветке шелковых и синтетических тканей (правда, красный, характерный для одежды более молодых, в расцветке отсутствовал), с золотыми украшениями, макияжем на лице. Как впоследствии комментировали это в Бухаре, одеваться так — особенность самаркандок: «Бабушке 100 лет, но накрасится, напудрится, оденется как молодая. Бухарцы скромнее, пожилые никогда ярко и блестяще не оденутся, одеваются по возрасту» (ПМА 2010, Бухара). Хотя и самаркандки считают, что одеваются по возрасту, но вкладывают в это свое понимание. По их мнению, «мусульманки не должны носить национальные платья из простых тканей, обязательно нарядные» (ПМА 2007, Самарканд) (рис. 1, см. вклейку).

Размах мероприятия также считается самаркандской особенностью, а самаркандцы называют это еще и характерным для местных таджиков. Устроительница рассматриваемого мероприятия была таджичка, как и все приглашенные женщины, и в разговорах со мной они не раз подчеркивали масштабность обряда, сравнивая его проведение в своей среде и у местных узбеков, у которых оно, по их словам, проходит значительно скромнее и «не по правилам». Последнее утверждение лишь указывает на существование различных этнолокальных форм обряда, причем в каждой местности уверены, что только у них он организован правильно. Вместе с тем моноэтничность участниц обряда отмечена нами только в Самарканде, в других местах, где этнический состав населения также смешанный, приглашают и женщин других национальностей. По словам хозяйки дома, среди ее близких знакомых много узбеков, но у таджиков Самарканда принято приглашать на мероприятие лишь «своих». При этом допускается приглашение совсем «чужого» по этнической и религиозной принадлежности (например, меня), что, как и присутствие подобного гостя на семейных торжествах, считается хорошим знаком.

Все обрядовые действия традиционно начинаются в 12 часов дня, но в нашем случае уже около 11 часов стали собираться гости, и в *мехмонхоне*, где должны были пройти основные ритуалы, *бихальфа*, заняв место в центре приготовленного *дастархана*, приступила к чтению полагающихся текстов, хотя в комнате сидели пока только три-четыре женщины.

К 12.00 сбор женщин завершился. Они расположились за дастарханами, приготовленными в нескольких комнатах и во дворе дома на *суфах*. В одной из комнат, как требует обычай проведения обряда почитания Биби Сешанбе, находились семь вдов преклонного возраста. Являясь «чужой» на этом мероприятии, я не могла видеть происходящего там, а хозяйка дома уклонилась от моих расспросов, вероятно считая это закрытым для посторонних, своего рода семантическим центром обряда, т. е. каким он был в первоначальном виде — для семи вдов. Со временем обряд усложнился, стал многоплановым. Л. А. Чвырь, изучавшая обряд в Ферганской долине в 1970-х годах, уже тогда выделяла в его структуре две части — общую и «тайную», скрытую от большинства участниц и рассчитанную на вдов, бедных одиноких старушек. По ее сведениям, хозяйка предварительно снабжала их продуктами, и они сами готовили обрядовую пищу в отдельном помещении, окна и двери которого плотно занавешивали от дневного света, помолившись, съедали приготовленное, мыли блюдо, а воду «разливали по четырем углам комнаты (для духов предков этого дома)» (Чвырь 2018: 23). Возможно, в «тайной» части описываемого самаркандского обряда происходило то же самое, однако окна в помещении со вдовами занавешены не были, и проходящие мимо могли их видеть, и пищу они не готовили сами, что можно отнести как к самаркандской особенности обряда, так и к поздней формализации его сакрального смысла и ритуальных действий.

Особенностью самаркандского обряда, не отмеченной как в прошлом, так и в настоящее время в других местах, являлось также присутствие на нем *келин* — новобрачных, которых привели их свекрови, матери или родственницы. Для *келин* это *талбон* — обряд посещения родственников, знакомых, соседей в первый год после замужества, включающий ритуал *келин салом* — символическое знакомство с ними в новом социально-возрастном статусе замужних женщин. По обычаю, известному повсеместно, в течение года *келин* должны ходить по всем торжествам

в округе — свадьбам, *суннат-той* и делать *келин салом*, но только в Самарканде они приходят и на Биби Сешанбе, внося своим видом, яркими нарядными одеждами (как наряд и остальных женщин) в изначально скорбный обряд праздничную атмосферу. *Келин* встречали прибывающих женщин у входа во двор, а затем трижды в течение обряда обходили комнаты с гостями (кроме комнаты, где сидели вдовы) и сидящих во дворе, каждый раз меняя одежду, всегда из ярких тканей, обильно расшитую золотными нитями, позументом, разноцветными стеклянными бусинами² (рис. 2, 3, см. вклейку). Родственницам *келин*, с которыми они пришли, хозяйка дома потом сделала подарки, в основном отрезами тканей.

Некоторые особенности самаркандского обряда проявились и в организации ритуального застолья. Как описывал его ранний вариант М. С. Андреев (1927: 4, 7), главными кушаньями, о которых говорится и в сказании о Биби Сешанбе, являлись *умоч* или *атоля* — похлебка из сваренных в воде или молоке небольших кусочков теста³, и разного вида лепешки: по семь *катурма* (или *катлама*) из слоеного теста, *чалтак*, поджаренных в масле, и один *кумоч* — лепешка из пресного теста. *Умоч*, *чалтак* и *кумоч* обязательны и при поминальном застолье. Муку для них полагалось просить в семи разных домах как милостыню, прикрыв при этом лицо белым платком. Примечательно, что согласно описанию обряда, проводившегося в 1998 г. узбечкой в Ходженте, на столе должно лежать восемь простых лепешек (*нон*), восемь из сдобного теста (*натир*) и шестнадцать *чалтаков*, а собирать муку надо было в четырех домах (Фатхи 2005: 20). Вероятно, в этом случае четное количество — особенность обряда у узбеков (или у данной локальной группы), хотя, как упоминалось выше, сведения об этнолокальных вариантах обряда весьма ограничены и недостаточны для характеристики возможного «числового кода» обряда у разных этнических групп. Но этот аспект заслуживает дальнейшего изучения как, возможно, один из этномаркирующих знаков обряда Биби Сешанбе.

На *дастархане* в Самарканде, приготовленном в *мехмонхоне*, где находилась и *бихальфа*, были расставлены тарелки с нарезанными помидорами и огурцами, орехами (миндаль, кешью, грецкие), самсой, жареными в казане кусками мяса и рыбы, конфетами (в фантиках), лежали простые лепешки, а на них по несколько кусков *катламы* — слоеной лепешки, обязательной для данного застолья. По самаркандскому обычаю, стол должен быть обильно заставлен едой, оставшуюся потом раздадут соседям (это *садака* — важная благотворительная часть любого массового застолья). Основные ритуально значимые кушанья и предметы располагались перед *бихальфой*, сидящей в центре П-образно расставленных вдоль стен *дастархана*: косы со сладкой водой и сладкой рисовой молочной кашей, тарелки с *халвотар* — кашеобразной массой из жаренной на бараньем жире муки с сахаром, блюдо с черным кишмишем, большой таз с *чалтаками*, поднос с особыми конфетами — белого цвета, прямоугольной формы и ручной работы, тарелка с комочками ваты и тарелка с *сурьмой* и маленьким зеркальцем, *хазор испанд* — трава, используемая в Средней Азии для магического окуливания с целью отогнать злые силы, что в конце застолья и сделала *бихальфа* (рис. 4, см. вклейку). Тут же находились четыре зажженных восковых свечи, хотя по обычаю и как следует из известных описаний ферганских вариантов обряда, полагалось зажигать лучинки (до 40 штук), обернутые пропитанными маслом ватой или тряпочками и нитками.

Такие лучинки обычно зажигают на могилах близких, на мазарах и в ритуалах в честь духов предков (Андреев 1927: 5; Фатхи 2005: 20). Либо зажигают промасленные комочки ваты (ПМА 2019, Коканд). Использование же восковых свечей в среднеазиатской обрядовой практике редкость, а в мусульманской вообще исключается (как противопоставление иудаизму и христианству) (Костенко 1871: 45). В Средней Азии свечи зажигают преимущественно в ритуалах Навруза —

² Сначала поверх платья традиционного покроя на них были надеты длинные безрукавки с обильной золотной вышивкой, золотшвейные тубетейки и налобное украшение коштилло. Такой костюм вошел в моду еще в 1960–1970-х годах, но сохранился как наряд новобрачных до настоящего времени. Другие костюмы напоминали стилизованный восточный, с турецкими и арабскими элементами.

³ Согласно более поздним описаниям, в Ферганской долине *умоч* оши представляло собой похлебку из теста, перетертого через решето и сваренного на молоке (Фатхи 2005: 20; Каримова 2012).

древнего зороастрийского праздника — и в обрядах, посвященных Биби Сешанбе и Мушкулкушод — другой святой покровительнице женщин, также доисламского происхождения, причем зажигание свечей в честь Биби Сешанбе отмечено нами лишь в Самарканде⁴ и в высокогорном таджикском кишлаке Гилан (Шахриябзский р-н Кашкадарьинской обл.). Здесь зажигают 4–6 свечей и *чарок* (масляный светильник) (ПМА 2019, Гилан). Возможно, где-то еще сохранился этот старинный обычай, который, очевидно, в прошлом имел более широкое распространение, но постепенно исчезал в результате «вымывания» из традиционной обрядности доисламских ритуалов и представлений, о чем упоминалось выше, в частности *зардушти* — ритуалов, связанных с почитанием огня и восходящих к зороостризму (Емельяненко 2019: 99; 2021: 181–182). Так, в Байсуне, по словам руководительницы женсовета одной из местных махалля, раньше зажигали и *чарок*, и свечи, «но два года это уже не делают, так как это почитание огня, а этого нет в Коране» (ПМА 2019, Байсун). В Самарканде же свечи оставались обязательным атрибутом обряда Биби Сешанбе: две зажигали в честь этой святой, а две — в честь Мушкулкушод, обряды почитания которой должны проводиться по средам, но в Самарканде принято совмещать два мероприятия и, собираясь на Биби Сешанбе во вторник, в молитвах обращаться к обоим святым.

Началось застолье с произнесения *бихальфой* басмалы, зачитывания аятов Корана и затем изложения легенды о Биби Сешанбе, которые присутствовавшие женщины внимательно слушали, почти не притрагиваясь к еде (рис. 5, см. вклейку). Однако, когда приступили к ритуальной трапезе, *умоча* — главного ритуального поминального блюда данного обряда — среди предложенных собравшимся в мехмонхоне женщинам не было⁵. Как объяснила хозяйка дома, *умоч* предназначался только для старушек, располагавшихся в отдельной комнате, т. е. для «тайной» части обряда. На общем же застолье в качестве ритуального блюда был подан *угро* — густой суп на мясном бульоне, с фрикадельками, горохом, морковью, с добавлением кислого молока и домашней лапши, который подается и на местной свадьбе во время женского застолья, устраиваемого в доме невесты для родственниц и других женщин со стороны жениха, приехавших за невестой (Емельяненко 2009: 261). Так менялась семантика главного ритуального блюда обряда с поминальной на благопожелательную, характерную для пищевого кода свадебной обрядности. Причем, как будет показано ниже, это проявилось и в ассортименте других блюд и продуктов самаркандского застолья в честь Биби Сешанбе.

Единственным продуктом, который обычно подают только во время похоронно-поминальных обрядов, являлся черный кишмиш. Тарелка с ним первой поступила от *бихальфы* в начале застолья, которую она, как и все последующие блюда, передала присутствующим за дастарханом женщинам по кругу справа налево. Полагалось взять горсть кишмиша, высыпать на дастархан рядом с собой и перебирать, перекладывая по одной ягоде и загадывая желание, а затем оторвать от ягод черенки (рис. 6, см. вклейку). Их собирают на ватку, заворачивают и забирают с собой те женщины, у которых дома есть беременные невестки. Эти черенки надо заварить горячей водой и пить, чтобы были благополучные роды. Другие блюда и продукты имели либо «двойное» значение — использовались и в поминальных, и в свадебных обрядах, либо находят параллели только в свадебных пищевых ритуалах.

К первым относятся конфеты белого цвета и ручного приготовления — *кандалот*, *пичак* (Самарканд), *парварда* (Бухара), жаренные в масле кусочки теста — *чалтак*⁶ и *халватор* — вид

⁴ В Самарканде свечи используют также в одном из наиболее архаичных свадебных обрядов, которые проводят под свадебным занавесом чимилик: бихальфа обводит двумя зажженными свечами вокруг жениха и невесты, стоящих под чимиликом, затем несколько раз делает ими круг (сверху вниз) около них и не гасит, пока совершается следующий и заключительный ритуал обряда — смотрение жениха и невесты в зеркало (ПМА 2019, Самарканд).

⁵ Среди блюд обряда Биби Сешанбе, который устраивается через два дня после свадьбы, *угро* присутствует обязательно; готовят его в очень небольших количествах, чтобы присутствующие могли только попробовать, отдавая дань традиции, а также считается, что *угро* не должно оставаться после застолья и его надо раздать соседям, как другие оставшиеся от трапезы блюда и продукты (ПМА 2022, Самарканд).

⁶ В Бухаре и Фергане они имеют форму ромба, в Самарканде — округлые.

местной домашней халвы. Во время застолья в честь Биби Сешанбе в Самарканде конфеты *бихальфа* бросала присутствующим со своего места, и надо было успеть собрать как можно больше. *Халватор* передавался от *бихальфа* на одном блюде по кругу, и каждая женщина должна была подцепить его пальцем три раза и облизать, а *чалтак* отправили по окончании застолья в подарочных наборах всем присутствующим. В Фергане и Бухаре *халватор* на небольших тарелках составляют на дастархане, и женщины едят его, поддевая кусочком *чалтака*. В Бухаре *ойи мулло* над *халватор* читает молитву (ПМА 2010, Бухара, Фергана). В похоронно-поминальной обрядности такие конфеты повсеместно принято раздавать на похоронах, а в Бухаре один из видов халвы из пшеничных зерен и масла — *халваи итар* — является исключительно поминальным: его готовят на 20-й день поминального цикла — мужские поминки, и на 40-й, когда проводят поминки для женщин (ПМА 2004, Бухара). В Фергане существует обычай: если у женщины проблемы, то нужно приготовить *халватор* и *чалтак* и раздать их трем соседям, это принесет облегчение (ПМА 2010, Фергана), т. е. необходимо совершить жертвоприношение духам-защитникам. В то же время у таджиков Самарканда *халватор* входит в число подарков, которые на большом подносе *лали* отправляет семья невесты при переезде девушки в дом жениха (ПМА 2007, Самарканд). Конфеты *кандалот* здесь принято раздавать гостям обряда *рубинон* («смотрение лица невесты») (ПМА 2022, Самарканд), который проводят на следующий день после свадьбы⁷, а в Каракуле (Бухарская обл.) *чалтак* — одно из обязательных угощений, которые ставят перед женихом и невестой во время главного и наиболее архаичного свадебного обряда, совершаемого под свадебным занавесом *чимилдык* (*чимилик*) (Емельяненко 2013: 28).

Семантические функции других блюд и продуктов застолья в честь Биби Сешанбе в Самарканде связаны с пищевыми традициями именно свадебной обрядности, причем они характерны только для местного обычая проведения обряда. Это сладкая вода *навод чой* (*чой ширин*), густая рисовая каша *ширбиринч* (*ширгуруч*), сахар (сахарный песок) и соль, передававшиеся *бихальфой* присутствующим по кругу. Каждой женщине полагалось отпить из косы глоток сладкой воды, а в косу с кашей три раза опустить кончики пальцев и облизать их. В тарелки с сахарным песком и с солью надо было макнуть палец и облизать его три раза. В свадебной же обрядности сладкая вода и каша предназначались для жениха и невесты. Так, в Каракуле во время обряда под свадебным занавесом *чимилдык* первое, что должны были сделать жених и невеста, — выпить из косы сладкой воды и после этого руками взять из другой косы щепотку каши и съесть, а уже потом приступать к другим полагающимся в этом случае блюдам и ритуалам (Емельяненко 2013: 28)⁸. У узбеков Южного Хорезма рисовую кашу готовили на заключительный свадебный обряд приема зятя в доме родителей молодухи и еще по случаю первого укладывания ребенка в колыбель (Фирштейн 1972: 56–57). Сахар в свадебной обрядности, как и другие сладкие продукты и блюда, означал пожелание молодоженам «сладкой» и счастливой жизни (Лобачева 1985: 118; Мардонова 1981: 114; Нурджанов 1976: 49, 52). Однако использование соли в среднеазиатской свадебной обрядности не прослеживается по этнографическим материалам, поэтому, возможно, она имела магическое значение лишь в самаркандском варианте обряда Биби Сешанбе как оберег или благодаря белому цвету (как сахар и молоко), который в Средней Азии считается цветом чистоты и невинности. Сами самаркандки — участницы обряда говорили, что без соли не обходится ни одно блюдо и она свидетельствует о материальном достатке, без которого нет и благополучной жизни (ПМА 2010, Самарканд).

Характерными для самаркандской традиции проведения обряда почитания Биби Сешанбе являются и два других ритуальных действия, не относящиеся к пищевым ритуалам, но входящие в ритуалы застолья. Так, после раздачи конфет всех женщин по кругу обошло блюдо с комочками ваты, обильно обрызганными духами, и тарелка с сурьмой и небольшим зеркальцем. Каждая жен-

⁷ В Бухаре такие конфеты делают двух размеров: совсем мелкие раздают на похоронах и поминках, немного крупнее — во время свадебных обрядов как *сафеди* («белое, чистое») — пожелание молодоженам счастливой жизни.

⁸ Об использовании подслащенной воды в свадебной обрядности у таджиков и оседлых узбеков см. также: (Люшкевич 1971: 63; Пещерева 1978: 184; Лобачева 1985: 120).

щина должна была ватой протереть лицо, шею и спрятать ее у себя на теле, а сурьмой, глядя в зеркало, подвести глаза, хотя у всех женщин они уже были подведены (рис. 7, см. вклейку). Одни из них объясняли действия с духами и сурьмой обязанностью «быть всегда красивыми, нравиться окружающим», другие — тем, что «когда придет Мухаммед, ему на радость вата с духами и сурьма» (ПМА 2010, Самарканд). Оба объяснения не противоречат друг другу. Как писали еще Наливкины, «шариат советует женщине заботиться о том, чтобы она нравилась мужу, и рекомендует ей для этого такие средства, как румяна, белила, усму (для окрашивания бровей), мушки (*холь*), локоны и пр.» (Наливкин, Наливкина 1886: 104). В Бухаре, например, на женских собраниях по поводу мавлида — празднования дня рождения Пророка — из специального сосуда *гулипушон* с пахучей жидкостью, настоянной на цветах, опрыскивают платочки, предварительно розданные всем присутствующим, хотя ритуалов с духами и сурьмой в обряде Биби Сешанбе у бухарцев нет, и они находят их странными, даже нескромными — «у нас так не принято» (ПМА 2010, Бухара). Вместе с тем различного рода благовония издавна считались оберегом, отгоняющим злых духов, а нанесение женщиной макияжа, т. е. своего рода изменение внешности, представляло один из ритуалов инициации, связанной с изменением ее семейного статуса (замужеством). У узбеков и таджиков девушке перед свадьбой или сразу после нее впервые выщипывали брови, придавая им нужную форму, а у бухарских евреев эта процедура проводилась за несколько дней до свадьбы и представляла самостоятельный предсвадебный обряд *кошчинон*, имеющий древнеиранское происхождение (Емельяненко 2002: 93–96). Таким образом, на первый взгляд обычная забота о внешности становилась для мусульманки необходимостью, а ритуалы с духами и сурьмой, имеющие доисламское происхождение, в обряде почитания Биби Сешанбе отвечали религиозным нормам.

Перед завершением застолья, которое длилось около двух часов⁹, всем присутствующим хозяйка дома раздала подарки — пакет с двумя лепешками, кусочками *катламы*, туда же положили очищенный кишмиш и конфеты *кандалот*, которые полагалось отдать дома детям — «чтобы они не болели и у них все хорошо сложилось в жизни» (ПМА 2010, Самарканд), а также вручили по *джойнамазу* — молитвенному коврику¹⁰. Одаривать всех на любых застольях также считают особенностью самаркандцев. По словам бухарцев, «на свадьбе у них хоть тысяча человек, но всем сделают подарки, хоть *сачок* (полотенце)» (ПМА 2010, Бухара).

В заключение женщина, устроившая у себя *марака* Биби Сешанбе, в знак уважения и благодарности гостям прошла перед ними с *сурпой* на голове — скатертью, на которой перед *бихальфой* лежали все ритуальные предметы и продукты¹¹ (рис. 8, см. вклейку). И надо отметить, что, несмотря на большие материальные затраты, каждая самаркандка почтенного возраста считает для себя за честь организовать и провести *марака* Биби Сешанбе в своем доме и сделать это с максимальным размахом. В Самарканде обряд не только наполнен различными по природе и происхождению ритуалами, но и, в отличие от других мест его проведения в Узбекистане, представляет яркое и праздничное мероприятие. Возможно, благодаря этому он дольше, чем в других местах, сохранил свою уникальность и привлекательность для местных женщин, которые и сегодня проводят его в основном по традиционному сценарию (ПМА 2022, Самарканд).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ПМА 2004 — полевые материалы автора. Бухара, Узбекистан, 2004 г.

ПМА 2007 — полевые материалы автора. Самарканд, Узбекистан, 2007 г.

ПМА 2010 — полевые материалы автора. Бухара, Самарканд, Фергана, Узбекистан, 2010 г.

⁹ Считается, что женские обряды не должны длиться более двух часов, так как женщинам необходимо заниматься домашними делами. Это повсеместно распространенное в Средней Азии мнение как среди мужчин, так и среди женщин.

¹⁰ Турецкого производства из плюша с набивным рисунком. Подобные *джойнамазы* в настоящее время широко распространены в Узбекистане.

¹¹ По традиции, *сурпа* (*сурфа*) должна быть кожаной и на ней полагалось просеивать муку, готовить тесто для ритуальных блюд. Однако в описываемом обряде перед *бихальфой* лежала клеенка фабричного производства, но называлась она также *сурпа*.

- ПМА 2019 — полевые материалы автора. Байсун, Гилан, Коканд, Узбекистан, 2019 г.
- ПМА 2022 — полевые материалы автора. Самарканд, Узбекистан, 2022 г.
- Андреев М. С. Среднеазиатская версия Золушки (Сандрильоны) // По Таджикистану. Вып. 1. Ташкент: [б. и.], 1927. С. 3–19.
- Аширов А. А. Древние религиозные верования в традиционном быту узбекского народа (по материалам Ферганской долины): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2008.
- Горшунцова О. В. Отынча // Этнографическое обозрение. 2001. № 3. С. 135–137.
- Емельяненко Т. Г. Некоторые ритуальные действия с волосами в свадебных обрядах бухарских евреев // Этническое единство и специфика культур: материалы I Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: РЭМ, 2002. С. 93–96.
- Емельяненко Т. Г. Современная свадьба таджиков Самарканда // Лавровский сборник: материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008–2009 гг.: этнология, история, археология, культурология. К столетию со дня рождения Л. И. Лаврова. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 259–265.
- Емельяненко Т. Г. Современная свадьба в Каракуле: традиции и инновации // Музей. Традиции. Этничность. 2013. № 1. С. 25–37.
- Емельяненко Т. Г. Бухарские евреи // Евреи / отв. ред. Т. Г. Емельяненко, Е. Э. Носенко-Штейн. М.: Наука, 2018. С. 446–503. (Народы и культуры).
- Емельяненко Т. Г. Некоторые особенности ислама в современном Узбекистане (по полевым материалам 2019 г.) // Этнос и конфессии: материалы XVIII международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2019. С. 96–101.
- Емельяненко Т. Г. Ислам и традиционная культура в современном Узбекистане: особенности взаимодействия // Ислам в современном мире. 2021. Т. 17, № 4. С. 171–185.
- Каримова М. Б. Об обряде «Бибисешанба», проводимом с участием женщин // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2012. URL: http://jurnal.org/articles/2012/hist11.html#_ftn4 (дата обращения: 25.01.2022).
- Костенко Л. Ф. Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году. СПб.: изд. Бортневского, 1871.
- Лобачева Н. П. Хивинская свадьба // Этнография Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1985. С. 116–124.
- Люшкевич Ф. Д. Этнографическая группа ирони // Занятия и быт народов Средней Азии. Л.: Наука, 1971. С. 36–71.
- Мавзолей Биби Арифы. Память о подвижничестве женщины-матери // Информационный портал Узбекистана. 23.12.2012. URL: <http://www.uzinform.com/ru/news/20121223/16521.html> (дата обращения: 10.01.2022).
- Мардонова А. Свадебное торжество у таджиков Файзабада // История и этнография народов Средней Азии. Душанбе: Дониш, 1981. С. 106–122.
- Муродов О. М. Трансформация мифологических и легендарных образов в таджикско-персидских хрониках XI–XV вв. Душанбе: Дониш, 1986.
- Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого населения Ферганы. Казань: тип. Императорского университета, 1886.
- Нурджанов Н. Свадьба // Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 3. Душанбе: Дониш, 1976. С. 26–57.
- Пецерева Е. М. Свадьба в ремесленных кругах Каратага // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1978. С. 176–188.
- Рахимов Р. Р. Коран и розовое пламя (размышления о таджикской культуре). СПб.: Наука, 2007.
- Соколова Л. М. Биби-сешанба — богиня или святая? // Вопросы исторической науки: материалы III Междунар. науч. конф. (Москва, январь 2015 г.). М.: Буки-Веди, 2015. С. 169–173.
- Сухарева О. А. Ислам в Узбекистане. Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1960.
- Фатхи Х. Смысл женских ритуалов Биби Мушкулькушод и Биби Сешанбе в современной Центральной Азии // Традиционные и современные этнокультурные процессы в Центральной Азии. Ташкент: [б. и.], 2005. С. 13–24.
- Фириштейн Л. А. Материалы по пище узбеков Южного Хорезма // Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 году. Ч. 1. М.: Наука, 1972. С. 50–59.
- Чвырь Л. А. Очерки культурного синтеза в Туркестане (I–II тыс. н. э.). М.; СПб.: Нестор-История, 2018.

REFERENCES

Andreev M. S. Sredneaziatskaia versia Zolushki (Sandril'ony) [Central Asian Version of Cinderella (Sandrillons)]. *Po Tadjikistanu* [Through Tajikistan.]. Pt. 1. Tashkent, 1927, pp. 3–19. (In Russian)

Ashirov A. A. *Drevnie religioznye verovaniia v traditsionnom bytu uzbekskogo naroda (po materialam Ferganskoï doliny)* [Ancient Religious Beliefs in the Traditional Life of the Uzbek People (Based on the Materials of the Ferghana Valley)]. PhD diss. abstract, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. Tashkent, 2008. (In Russian)

Chvyr' L. A. *Ocherki kul'turnogo sinteza v Turkestane (I–II tysiacheletie nashei ery)* [Essays on Cultural Synthesis in Turkestan (I-II Millennium AD)]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2018. (In Russian)

Emelyanenko T. G. Nekotorye ritual'nye deistviia s volosami v svadebnykh obriadakh bukharskikh evreev [Some Ritual Actions with Hair in the Wedding Ceremonies of Bukharian Jews]. *Etnicheskoe edinstvo i spetsifika kul'tur. Materialy Pervykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chtenii* [Ethnic Unity and Specificity of Cultures. Materials of the First St. Petersburg Ethnographic Readings]. St. Petersburg: REM, 2002, pp. 93–96. (In Russian)

Emelyanenko T. G. Sovremennaiia svad'ba tadjikov Samarkanda [Modern Tajik Wedding in Samarkand]. *Lavrovskii sbornik: materialy XXXIII Sredneaziatsko-Kavkazskikh chtenii 2008–2009 godov: etnologii, istoriia, arheologii, kul'turologii. K stoletiiu so dnia rozhdeniia L. I. Lavrova* [Lavrovsky Collection: Materials of the XXXIII Central Asian-Caucasian Readings 2008–2009: Ethnology, History, Archeology, Cultural Studies. To the Centenary of the Birth of L. I. Lavrov]. St. Petersburg: MAE RAN, 2009, pp. 259–265. (In Russian)

Emelyanenko T. G. Sovremennaiia svad'ba v Karakule: traditsii i innovatsii [Modern Wedding in Karakul: Traditions and Innovations]. *Muzei. Traditsii. Etnichnost'*, 2013, no. 1, pp. 25–37. (In Russian)

Emelyanenko T. G. Bukharskie evrei [Bukhara Jews]. *Evrei [Jews]*. Ed. by Emelyanenko T. G., Nosenko-Stein E. E. Moscow: Nauka, 2018, pp. 446–503. (In Russian)

Emelyanenko T. G. Nekotorye osobennosti islama v sovremennom Uzbekistane (po polevym materialam 2019 goda) [Some Features of Islam in Modern Uzbekistan (Based on Field Materials of 2019)]. *Etnos i konfessii: Materialy Vosemnadsatykh Mezhdunarodnykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chtenii* [Ethnos and Religions: Proceedings of the Eighteenth International St. Petersburg Ethnographic Readings]. St. Petersburg: Publishing Center of St. Petersburg State University of Technology and Design, 2019, pp. 96–101. (In Russian)

Emelyanenko T. G. Islam i traditsionnaia kul'tura v sovremennom Uzbekistane: osobennosti vzaimodeistviia [Islam and Traditional Culture in Modern Uzbekistan: Peculiarities of Interactions]. *Islam v sovremennom mire*, 2021, 4 (17), pp. 171–185. (In Russian)

Fatkhi Kh. Smysl zhenskikh ritualov Bibi Mushkul'kushod i Bibi Seshanbe v sovremennoi Tsentral'noi Azii [The Meaning of Bibi Mushkul'kushod and Bibi Seshanbe Women's Rituals in Contemporary Central Asia]. *Traditsionnye i sovremennye etnokul'turnye protsessy v Tsentral'noi Azii* [Traditional and Contemporary Ethnocultural Processes in Central Asia]. Tashkent, 2005, pp. 13–24. (In Russian)

Firshtein L. A. Materialy po pishche uzbekov Iuzhnogo Khorezma [Materials on the Food of the Uzbeks of South Khorezm]. *Itogi polevykh rabot Instituta etnografii v 1971 godu* [Results of Fieldwork of Institute of Ethnography in 1971]. Pt. 1. Moscow: Nauka, 1972, pp. 50–59. (In Russian)

Gorshunova O. V. Otyntcha [Otyntcha]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2001, no. 3, pp. 135–137. (In Russian)

Karimova M. B. Ob obriade "Bibiseshanba", provodimom s uchastiem zhenshchin [About the Rite "Bibiseshanba", Conducted with the Participation of Women]. *Zhurnal nauchnykh publikatsii aspirantov i doktorantov*, 2012. Available at: http://jurnal.org/articles/2012/hist11.html#_ftn4 (accessed 25.01.2022). (In Russian)

Liushkevich F. D. Etnograficheskaia gruppy ironi [Ironi Ethnographic Group]. *Zaniatiia i byt narodov Srednei Azii* [Occupations and Life of the Peoples of Middle Asia]. Leningrad: Nauka, 1971, pp. 36–71. (In Russian)

Lobacheva N. P. Khivinskaia svad'ba [Khiva Wedding]. *Etnografiia Tadjikistana*. [Ethnography of Tajikistan]. Dushanbe: Donish, 1985, pp. 116–124. (In Russian)

Mardonova A. Svadebnoe torzhestvo u tadjikov Faizabada [Wedding Celebration among the Tajiks of Faizabad]. *Istoriia i etnografiia narodov Srednei Azii* [History and Ethnography among People of Middle Asia]. Dushanbe: Donish, 1981, pp. 106–122. (In Russian)

Murodov O. M. Transformatsiia mifologicheskikh i legendarnykh obrazov v tadjiksko-persidskikh khronikakh XI–XV vekov [Transformation of Mythological and Legendary Images in the Tajik-Persian Chronicles of the 11th — 15th Centuries]. Dushanbe: Donish, 1986. (In Russian)

Nurdzhanov N. Svad'ba [Wedding]. *Tadjiki Karategina i Darvaza* [Tajiks of Karategin and Darvaz]. Vol. 3. Dushanbe: Donish, 1976, pp. 26–57. (In Russian)

Peshchereva E. M. Svad'ba v remeslennykh krugakh Karataga [Wedding in the Handicraft Circles of Karatag]. *Sem'ia i semeinye obriady u narodov Srednei Azii i Kazakhstana*. [Family and Family Rites among Peoples of Middle Asia and Kazakhstan]. Moscow: Nauka, 1978, pp. 176–188. (In Russian)

Rakhimov R. R. *Koran i rozovoe plamia (Razmyshleniia o tadjikskoi kul'ture)* [The Quran and the Pink Flame (Reflections on Tajik Culture)]. St. Petersburg: Nauka, 2007. (In Russian)

Емельяненко Т. Г. Обряд почитания Биби Сешанбе у таджиков Самарканда

Sokolova L. M. Bibi-seshanba — boginia ili sviataia? [Bibi-Seshanba is a Goddess or a Saint?]. *Voprosy istoricheskoi nauki: materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, ianvar' 2015 g.)* [Questions of Historical Science: Materials of the 3d international research conference (Moscow, January 2015)]. Moscow: Buki-Vedi, 2015, pp. 169–173. (In Russian)

Sukhareva O. A. *Islam v Uzbekistane* [Islam in Uzbekistan]. Tashkent: Izdatel'stvo Akademii nauk Uzbekskoi SSR, 1960. (In Russian)

Submitted: 09.02.2022

Accepted: 14.04.2022

Published: 10.07.2022

Рис. 1. Сбор женщин на обряд почитания Биби Сешанбе.
Самарканд, 2010 г.

Фото Т. Г. Емельяненко

Fig. 1. Gathering of women for the ceremony of honoring Bibi Seshanbe.
Samarkand, 2010.

Photo by T. G. Emelianenko

Рис. 2. *Келин* (новобрачные) встречают женщин, пришедших на Биби Сешанбе.
Самарканд, 2010 г.

Фото Т. Г. Емельяненко

Fig. 2. *Kelin* (newlyweds) are greeting women who came to Bibi Seshanbe.

Samarkand, 2010.

Photo by T. G. Emelianenko

Рис. 3. Один из нарядов новобрачных *келин*, которые они меняли в ходе обряда.

Самарканд, 2010 г.

Фото Т. Г. Емельяненко

Fig. 3. One of the outfits of newlyweds *kelins*, which they changed during the ceremony.

Samarkand, 2010.

Photo by T. G. Emelianenko

Рис. 4. Продукты и предметы, разложенные на скатерти перед *бихальфой*, руководящей обрядом. Самарканд, 2010 г. Фото Т. Г. Емельяненко

Fig. 4. Products and items laid out on a tablecloth in front of the *bihalfa* guiding the rite. Samarkand, 2010. Photo by T. G. Emelianenko

Рис. 5. *Бихальфа* читает сказание о Биби Сешанбе. Самарканд, 2010 г. Фото Т. Г. Емельяненко

Fig. 5. *Bihalfa* reads the story of Bibi Seshanbe. Samarkand, 2010. Photo by T. G. Emelianenko

Рис. 6. Ритуал очищения ягод черного кишмиша от черенков. Самарканд, 2010 г. Фото Т. Г. Емельяненко
Fig. 6. The ritual of cleansing black raisin berries from stems. Samarkand, 2010. Photo by T. G. Emelianenko

Рис. 7. Ритуал подведения глаз сурьмой. Самарканд, 2010 г. Фото Т. Г. Емельяненко
Fig. 7. Ritual of applying eyeliner with kohl. Samarkand, 2010. Photo by T. G. Emelianenko

Рис. 8. Хозяйка дома с *сурпой* (скатертью) на голове.
Самарканд, 2010 г.
Фото Т. Г. Емельяненко

Fig. 8. Mistress of the house with a *surpa* (tablecloth) on her head.
Samarkand, 2010.
Photo by T. G. Emelianenko